

4. Смердова Е.А. Так творятся миры: лингвистические эксперименты Станислава Лема // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. С. 162-171.
5. Неутраченное время // Так говорил... Лем : сб. : пер. с пол. М., 2006. С. 12-92.
6. Пиотровская А.Г. Война и народные судьбы: польская литература о войне и оккупации // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. М., 1985. С. 88-121.
7. Язовских Ю. Станислав Лем. Больница Преображения. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2018/10/09/874> (дата обращения 19.08.2020).
8. Так говорил... Лем. М., 2006. 764, [4] с.
9. Лем С. Избранное. М., 1976. 479 с.
10. Цыбенко Е. Литература народной Польши в Советском Союзе в 70 – 80-е годы // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке. М., 1989. С. 144-153.
11. Лем С. Насморк // Современные польские повести. М., 1986.
12. Саморукова И.В. Фантастический мир и фантастический сюжет: проблема инновации в Science fiction // Вторые Лемовские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара, 2014. С. 8-17.
13. Лем С. Сумма технологий. М., СПб., 2002. 688 [4] с.
14. Хорев В.А. Польская литература XX века 1890-1990. М., 2009. С. 315.
15. Lem Stanislaw: Katalog Biblioteki Narodowej [Электронный ресурс] URL: https://katalogi.bn.org.pl/discovery/search?query=any,contains,Lem%20Stanislaw&tab=LibraryCatalog&vid=48OMNIS_NLOP:48OMNIS_NLOP&lang=pl&offset=0 (дата обращения 27.09.2020).

**СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБМЕН РЕЛИГИИ И ФАНТАСТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ «WAJKI ROBOTÓW»
СТАНИСЛАВА ЛЕМА)**

Смердова Е.А.

МАОУ «Школа дизайна «Точка» г. Перми,
учитель английского языка, кандидат филологических наук

В статье анализируется сходство и различие между фантастикой и религией. И религия, и фантастика содержат идею двоemiрия, сходные сюжеты (переходы между мирами), идею об иных существах. Таким образом, между ними происходит символический обмен. Символическим обменом Ж. Бодрийяр называет процесс, когда знаки обмениваются друг на друга и ни на что реальное. По Бодрийяру, реальность – это то, что можно эквивалентно воспроизвести. Соответственно, религия и фантастика производят символический обмен категориями реальности. Фантаст стремится создать собственный мир по примеру Творения по Слову, согласно евангелию от Иоанна. Отличие лишь в том, что в мире, созданном Богом, мы живём, а на мир, созданный фантастом, смотрим как бы со стороны. Что касается сходства описания мира в религиозных и фантастических произведениях, то в обоих случаях предполагается наличие «иных» существ. Однако если ангелы и демоны получают имена собственные и описание «рядовыми» средствами языка, то фантастические существа – имена нарицательные, окказионализмы, созданные автором конкретно для данного текста (что не мешает им иметь имена собственные вдобавок). Наконец, и религия, и фантастика предполагают переход существ из одного мира в другой, но если в религии такой переход неизбежен, то в фантастике он возможен, но не обязателен. Таким образом, при очевидно

прослеживающемся сходстве между религией и фантастикой существует основополагающее отличие – мир религии существенен, мир фантастики – вероятен для нас. Иными словами, нам не безразлично, как религия толкует наш мир, потому что мы в нём живём. И, напротив, мы можем как угодно трансформировать фантастический мир, сообразуясь с нашими насущными потребностями.

Ключевые слова: фантастический мир, окказионализм, символический обмен, Станислав Лем.

SYMBOLIC EXCHANGE BETWEEN SCIENCE FICTION AND RELIGION (BASED ON «BAJKI ROBOTÓW» BY STANISŁAW LEM)

Smerdowa Y.A.

State School for Design in Perm
English teacher, PhD in linguistics

The article is focused on the similarities and differences between science fiction and religion. Science fiction and religion both depict the doubled world, similar plot (transfer between different worlds), strange creatures. Therefore, they perform a symbolic exchange. According to J. Baudrillard, the symbolic exchange means the process of exchanging of signs, not real objects. Reality is the thing that someone can replicate equivalently. So, religion and science fiction exchange ideas of real objects and events. A science fiction writer tends to create a world using words as they say in the Bible. But the world created by God is the place where we live, and the science-fiction world is the place we look at through pages. Speaking about similarities, religion and science fiction both include strange creatures, although religious creatures, such as angels and demons, are presented with our native languages, however, science fiction creatures, such as aliens, are expressed by means of neologisms. Also the transfer between different worlds is inevitable in religion and unnecessary in science-fiction. In conclusion, we are aware of how religion depicts our world, but we can transform the science fiction world as far as we wish, according to our state of mind.

Key words: science-fiction world, neologism, symbolic exchange, Stanisław Lem.

Размышления об истинности вещей и идей занимали в своё время Рене Декарта. В результате он пришёл к выводу, что «то, что истинны все вещи, которые мы понимаем ясно и отчётливо, не подлежит сомнению только потому, что Бог есть, существует, что Он – совершенное существо и что всё, существующее в нас, происходит от него» [2, с. 110]. Какими бы неуместными ни казались рассудочные, а отнюдь не принимающие идею Бога на веру, положения Декарта, он сумел объяснить для себя логично и последовательно существование Создателя: «...сходство <человека> с Богом, которое содержит представление о Нём, понимается мной с помощью той же самой способности, которая помогает мне понять меня самого. Другими словами, когда я направляю внутрь себя острие своего внутреннего взора, своё собственное существование я вижу несовершенным, зависимым, неопределённо стремящимся ко всё большему и лучшему; Того же, от которого завишу, признаю держателем этого недостающего мне высшего, причём не неопределённо и в потенции, но по-настоящему действительно, актуально; таким образом, признаю в нём Бога» [2, с. 200]. В целом, Декарт строит свою теорию на том положении, что если бы человек не разумел ничего, чего не познал бы в ощущении, то подавляющее большинство всех идей вещей реального мира не могли бы достичь нашего сознания. Так, например, человек не смог бы уразуметь идею о гиппогрифе или единороге, так как не имел чувственного опыта восприятия этих существ. Несмотря ни на что, эти и сотни подобных идей находят место в нашем сознании. Причину этому Декарт видит в существовании Бога, при сотворении вложившего в сознание человека

представление о любых мыслимых вещах, а не только о тех, которые доступны нашему опыту. Картезианство научило нас верить тому, что мы способны вообразить. Фантасты XX века дали нам пищу для воображения.

Опираясь на идеи Жана Бодрийера, отделим реальный мир от фантастического на том основании, что реальность «это то, что можно эквивалентно воспроизвести» [1, с. 151]. Напротив, то, что представлено в фантастической картине мира, есть не что иное, как символическое отображение реальности, воспринятой автором. Для понимания идей фантастического мира мы используем воображение. Но и воображением же он был создан. Главным отличием фантастики от религии будет то, что фантастика создана посредством языка, а божественная суть лишь выражена языковыми средствами, но отнюдь не сотворена ими. Однако это отличие, хоть и основополагающее, но не единственное. Ниже приведена классификация различий и сходства религии и фантастики, основывающаяся на анализе системы персонажей, хронотопа, языковых средств и идейного содержания религиозных и фантастических текстов в общем. В статье данная классификация будет применена для анализа рассказов из цикла «Wajki robotów» Станислава Лема [5].

Таблица 1

Различие между фантастикой и религией

№ п/п	Сходство	Различие	
		религия	фантастика
1.	«Двоемирие»	Вертикальное разделение (низший и высший миры), пути между мирами отграничены смертью	Горизонтальное разделение (либо другая галактика, либо альтернативный нашему мир), пути между мирами преодолеваются с помощью технических средств, ни умирать, ни нравственно «заслуживать» переход не нужно
2.	Существа, не живущие в нашем мире	Иные существа превосходят человека в нравственном плане или, в любом случае, они сильнее, умнее, быстрее	Иные существа могут быть слабее человека, подлее его, но и лучше
3.	Особый язык для описания иной жизни	Иные описываются привычными языковыми средствами	Окказионализмы
4.	Переход из одного мира в другой	Переход неизбежен	Переход необязателен
5.	Изменение стиля жизни человека	Изменить стиль жизни сейчас, чтобы получить лучшую жизнь в другом мире	Изменить стиль жизни, чтобы этот мир стал лучше

Как показано в Таб. 1, каждый пример сходства между фантастикой и религией предполагает ряд основополагающих различий. Это продиктовано различием целей: фантастика – явление прогностическое, близкое к футурологическому, предполагающее взгляд на реальный мир со стороны; напротив, религия – явление предсказательное, обещающее счастливый переход между мирами при выполнении определённых условий и мало интересующееся сиюминутной реальностью. Несмотря ни на что, фантастика многое наследует у религии: характер устройства пространства-времени, возможность перемещения между мирами, наличие иных существ. Возможно, дальше всех в этом обмене пошёл С. Лем. Его конструкторы Трурль и Клапауциш, герои цикла рассказов «*Wajki robotów*» («Сказки роботов»), выступают не только свидетелями странных событий робо-вселенной Лема, но сами формируют мир, как, например, в рассказе «*Jak osalał świat*» («Как уцелел мир») [5, с. 178-186]. Вместо того чтобы создавать мир, конструктор Трурль создал машину, которой приказал создать Ничто. Машина, повиновавшись приказу, начала методично уничтожать всё сущее. Пожалуй, именно этот пример показывает, насколько близко и одновременно далеко друг от друга фантастика и религия. Религия даёт нам надежду, она объясняет момент Творения. Фантастика же, исходя от людей, скорее, расширяет наше понимание собственной ничтожности и бессилия в отношении вопросов Творения. Сокрушить, разрушить – да, создать – вряд ли. Обратимся к рассказам «Сказок роботов», чтобы более детально рассмотреть влияние религиозных идей на фантастические произведения.

Начнём с двоимирия. В рассказе «*Dwa potwory*» («Два чудовища») [5, с. 57-69] фигурирует некий электрыцарь, созданный из антиматерии. Он не мог быть воспринят существами из этого мира, потому что происходил из антимира: «...nie ze świata bowiem pochodził, lecz z antyświata, i nie materia był, lecz antimateria» («не из мира он происходил, а из антимира, и не материей был, а антиматерией») [5, с. 63]. Ещё одним «разделением миров» следует признать мир больших и маленьких величин. Например, в рассказе «*Jak Mikromił i Gigacyan ucieszkę mgławic wszczęli*» («Как Микромил и Гигациан начали бег туманностей») [5, с. 78-86] сражаются друг с другом непомерно огромный космолюд Гигациан и крохотный разумный рубин Микромил. Космолюд был действительно величественен, его ноги и руки составляли галактики, скреплённые гравитацией, звёздные облака составляли его тело [5, с. 82]. Победил, конечно, маленький, но чрезвычайно хитрый рубин, который заставил космолюда крутиться вокруг своей оси до тех пор, пока тот не распался на части, что и послужило началом круговорота туманностей во Вселенной. Следующими двумя мирами у Лема являются мир математический и мир бытовой. В рассказе «*Wajka o maszynie cyfrowej, co ze smokiem walczyła*» («Сказка о том, как цифровая машина с драконом воевала») [5, с. 86-97] король Полеандр Партобон был буквально помешан на кибернетике. В его царстве роились кибермухи, а киберветви шумели в киберчащах [5, с. 87]. Однажды одна из его цифровых машин неверно поняла приказ и создала электродракона, который всё рос и рос и вскоре решил захватить власть в королевстве и сместить Полеандра с трона. Король обратился за помощью к другой цифровой машине и та предложила электродракону выполнить ряд арифметических операций с самим собой. Одной из таких операций было вычесть себя из себя самого [5, с. 94]. Разумеется, выполнив это действие, электродракон просто перестал существовать. Таким образом, мир арифметики (кибернетики, математики) сходится с обычным миром во Вселенной Лема.

В фантастическом мире Лема, безусловно, нашлось место сотням необычайных существ (см. Приложение к диссертации «Нереферентное употребление имён (на материале текстов Станислава Лема). – Смердова Е.А.»). В «Сказках роботов» персонажи представляют собой отличных от человека существ. Некоторые из них, такие, как Трурль и Клапауциш, роботы. Другие – кристаллическая форма жизни, прекрасная и мудрая («*Trzej elektrycerze*», «Три электрыцаря») [5, с. 7]. Есть уже упомянутые электродраконы (*elektrosmoki*), а также – король Метамерик, распространившийся на 360° по своей

планете («Biała śmierć», «Белая смерть») [5, с. 69]. Эти персонажи отнюдь не идеальны. Король Полеандр кровожаден и воинственен, Архитор с планеты Актинурия был так жаден, что подданным пришлось пойти на хитрость и отдавать ему дань монетами из урана, что заставило платинового диктатора распрощаться с жизнью («Uranowe uszy», «Урановые уши») [5, с. 16-24]. Как можно убедиться, для указания на этих существ автор использует окказионализмы. Такой способ именованья иных существ соотносит с «инопланетным» языком, на котором, предположительно, и говорят данные существа. В случае с таким именованьем, как киберкнехт (cyberknecht), фокусируется внимание на принадлежности этих существ к кибернетике, технике. Идея использования окказионализмов состоит в подтверждении существования всех этих персонажей наличием языка, на котором они же и говорят. Чем более непонятным кажется название, тем больше вероятность того, что фантастический мир далёк от реального. Язык фантастического произведения приобретает невиданную автономию: «...дело в том, что язык является “неавтономной” структурой, так как языковые образования соотносятся с внеязыковыми ситуациями. В некоторых обстоятельствах язык может стать высокоавтономным, как благодаря поэтическому словотворчеству, так и благодаря тому, что он становится языком логики и подвергается строгой муштре» [3, с. 279]. Язык «Сказок роботов», если можно так сказать, двоякоавтономен: он автономен, так как не соотносит во многом с явлениями действительности, однако он не автономен по отношению к явлениям фантастической картины мира.

Мы не зря начали статью с размышлений Р. Декарта. Cogito, ergo sum – это не просто слова для картезианцев, не были они просто словами и для С. Лема. Вопрос о Разуме, его силе и функциональности, возможности существовать вне тела и бесконечных вариантах такого бытия интеллекта встречается во многих художественных и публицистических произведениях С. Лема. Безусловно, автора занимал вопрос о существовании внеземного Разума и его потенциях. Примером такого размышления может служить бесконечно разумный океан планеты Солярис, устанавливавший контакт с пришельцами посредством считывания внутренних переживаний героев и воплощения их в виде фантомов в жизнь. Если говорить о робо-вселенной цикла «Сказки роботов», то разум не рассматривается вне эмоций и переживаний героев, несмотря на то, что они роботы. Например, в рассказе «Maszyna Trurla» («Машина Трурля») [5, с. 186-202]. Конструктор создал вычислительную машину и для проверки задал ей вопрос: сколько будет дважды два. Ответ машины «семь» поставил его в тупик. Но после того как Трурль попытался изменить положение дел, машина стала агрессивной и чуть не убила своего создателя, настаивая на своём. Здесь вопрос о возможности разума существовать без тела подвергается сомнению. Ведь эмоции (или эмоциональный интеллект) часто становятся причиной размышления, триггером. Именно баланс эмоций и интеллекта, возможно, рождает гениальность. Значит ли это, что роботы должны быть эмоциональны, чтобы стать по-настоящему интеллектуально независимыми? И как на это смотрит Церковь? Вопрос о мнении религии о фантастике не нов. Так или иначе, Церкви приходится отвечать на вызовы времени и обсуждать вопросы науки и техники, применительно к церковным догмам.

Иногда религия даже соглашается с наукой, когда это не противоречит божественным идеям. Как указывает Лем: «Теодицея стоит как бы на двух “качественно разных” ногах, поскольку не хочет отказаться от доводов, говорящих в пользу трансцендентности, – ни от иррациональных, ни от рациональных» [4, с. 220]. Как мы понимаем, с развитием технологий приходит время, когда Церковь должна будет выразить своё мнение относительно клонирования человека, криогенной медицины, существования инопланетных форм жизни, наконец. Причём, если в одних верованиях «реинтерпретация» догм в соответствии с реалиями возможна, то в других – нет. Религия не может оставаться «оторванной» от реальности в связи с тем, что её догмы не рассчитаны на эту самую реальность. Во многом религия уже сейчас проходит процесс

«гуманизации», когда энциклики Папы Римского являются, скорее, выражением общественного мнения по социальным вопросам, чем постулатом веры [4, с. 221]. Ещё одной проблемой соразмерности религии и науки становится то, что наука всё больше и больше стремится к познанию фундаментальных основ Вселенной: изучение антиматерии и тёмной материи, бозон Хиггса, генетическое моделирование и т.д. Дистанция между религией и наукой стремительно сокращается ещё и потому, что отныне эмпирики стараются доказать или опровергнуть трансцендентное. Нам эта дилемма видится надуманной. Суть её в непонимании того, что дух и тело сосуществуют, кибернетика или биотехнология работают с телом, но не с духом. Работа духа – дело религии. Чем более абстрактна религия, тем более она правдива в вопросах духа, подобно логике, она раскрывает взаимосвязи между духовными проявлениями, вне зависимости от конъюнктуры, ситуации на бирже, научных прорывов в физике, биологии или математике и т. д. Многие из того, что было описано в фантастических произведениях XX века, стало реальностью сейчас. Фантастика, по Лему, не «калька» с реальности, а прогнозирующая теория, стремящаяся «предвидеть существование новых значений уже используемых переменных» [3, с. 377]. Анализ явлений действительности, рассмотренных в фантастическом произведении под разными, самыми невообразимыми углами, позволяет фантастике предположить то, что, скорее всего, станет реальностью. Роль же религии всегда остаётся неизменной. Наша вера – это лестница в небо, ключи от Рая, пролегомены к будущей загробной жизни. Надо ли говорить, что ни одно из этих явлений не может отказывать в существовании другому?

В заключение мы возвращаемся к Р. Декарту: «Итак, что же я такое? Вещь мыслящая, что же это значит? Вещь сомневающаяся, осознающая, утверждающая, отрицающая, желающая и нежелающая, а также – воображающая и чувствующая» [2, с. 175]. Мы можем утверждать или отрицать существование Бога, можем сомневаться в возможности человечества полететь к другим галактикам, можем вообразить самых удивительных инопланетных существ – мы можем всё это и даже больше, но мы не сможем никогда уничтожить в себе тягу к неизведанному, к непознанному. В этом кроется секрет науки и фантастики, религии и культуры. Мы живём ради новых открытий. Что бы они нам ни сулили.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», 2000. 387 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.
3. Лем С. Сумма технологий. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2006. 668 с.
4. Лем С. Фантастика и футурология (в 2 кн.). Кн. 2. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 667 с.
5. Lem S. *Vajki robotów*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. 224 s.